

Николай Полевой

**«Евгений Онегин», роман
в стихах. Сочинение
Александра Пушкина**

Пушкин в прижизненной критике, 1820-1827 / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге // Государственный пушкинский театральный центр, СПб., 1996

FB2: Miledi, 2011-09-26, version 1.0

UUID: abc5887b-e768-11e0-9959-47117d41cf4b

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Алексеевич Полевой

«Евгений Онегин», роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина

«Свободная, пламенная муза, вдохновительница Пушкина, приводит в отчаяние диктаторов нашего Парнаса и оседлых критиков нашей словесности. Бедные! Только что успеют они уверить своих клиентов, что в силу такого или такого параграфа пиитики, изданной в таком-то году, поэма Пушкина не поэма и что можно доказать это по всем правилам полемики, новыми рукоплесканиями заглушается охрипый шепот их и всеобщий восторг заботит их снова приискивать доказательства на истертых листочках реченной пиитики!...»

**Николай Алексеевич
Полевой
"Евгений Онегин", роман в
стихах. Сочинение
Александра Пушкина[1]
*СПб., в тип. Деп. народ.
просв. 1825, in 12. XXII и 60
стр.***

Свободная, пламенная муза, вдохновительница Пушкина, приводит в отчаяние диктаторов нашего Парнаса и оседлых критиков нашей словесности. Бедные! Только что успеют они уверить своих клиентов, что в силу такого или такого параграфа пиитики, изданной в таком-то году, поэма Пушкина не поэма и что можно доказать это по всем правилам полемики, новыми рукоплесканиями заглушается охриплый шепот их и всеобщий восторг заботит их снова приискивать доказательства на истертых листочках реченной пиитики![2]

В самом деле, на что это похоже? Довольно, что английские критики не знали, что делать с Бейроном; неужели и русским придет такая же горькая участь от Пушкина? Уже и хвалить его они не смеют: кто боится попасть в кривотолки, кто говорит, что ничего сказать не может, кто просто отмалчивается[3]. — Но пока готовятся безмолвные громы их, поспешим разделить с нашими читателями радость о новом, счастливом событии па Парна-

се нашем – о появлении нового поэтического произведения любимца всех русских читателей.

Давно уже с нетерпением ожидала публика «Онегина»; теперь отчасти и вполне удовлетворилось желание читателей: *отчасти*, ибо издана только первая глава этого поэтического романа; *вполне*, потому что издание «Онегина» положительно доказывает права Пушкина уже не просто на талант, но на что-то выше.

«Но что такое „Онегин“? – спросят критики. – Что за поэма, в которой есть главы, как в книге? По каким правилам она составлена? К какому роду принадлежит?»

«Онегин», милостивые государи, *роман в стихах*, следовательно, в романе позволено употребить разделение на главы; правила, руководствовавшие поэта, заключаются в его творческом воображении; род, к которому принадлежит роман его, есть тот самый, к которому принадлежат поэмы Байрона и Гете.

«Дон-Жуан» почитается одним из лучших и едва ли не лучшим произведением Байрона. «Difficile est proprie communia dicere» [4], –

сказал великий сей поэт, издавая «Дон-Жуана» [5]. Он чувствовал, как тяжело было ему бороться с своим предметом, и тем славнее был его подвиг, тем громче торжество.

В угодность привязчивым Аристархам согласимся, что, по существу своему, поэму, подобную «Дон-Жуану» и «Беппо» [6], поэму, где нет постоянной завязки, хода действий, с начала ведомых к одной главной, ясной цели, где нет эпизодов, гладко вклеенных, нельзя назвать ни эпической, ни дидактической поэмою[7]; по это уже дело холодного рассудка приискивать на досуге, почему написанное не по известным правилам хорошо, и на всякий новый опыт поэзии прибирать лад и меру; не поэту же спрашивать у пиитиков, можно ли делать то или то! Его воображение летает, не спрашиваясь пиитик: падает он, тогда торжествуйте победу школьных правил; если же полет его изумляет, очаровывает сердца и души, дайте нам насладиться *новыми* торжеством ума человеческого: всякое новое приобретение Бейронов или Пушкиных делает и нам честь, ибо делает честь стране, которой он принадлежит, и веку, в котором

живет.

То самое высшее наслаждение, в котором человек, упоенный очаровательным восторгом, не может, не смеет дать самому себе отчета в своих чувствах: все *ограниченное*, в наслаждениях эстетических, отвращает человека – и в неопределенном, неизъяснимом состоянии сердца человеческого заключена и тайна и причина так называемой романтической поэзии.

Пушкин обещает своим критикам написать поэму в 25 песен, в которой будут выполнены все условия, предписанные покойным Баттё[8]. Тогда и мы обещаемся написать рецензию, которую начнем полным и обстоятельным разбором всех эпических поэм, исследуем все подробности, как-то: правильно ли превращение кораблей Энеевых в нимф; сколько раз должен был обежать Гектор Трои, чтобы утомить сына Пелеева; а кончим верными доказательствами, что никто из новых не сравнится даже и с Аполлоном Родосским[9]. Разумеется, что в таком случае не должно забывать избитых эпитафий: *vos exemplaria Graeca* и проч. и проч.[10]

Между тем, верно, никто из самых задорных критиков Пушкина, прочитавши новую поэму его, не откажет ему в истинном, неподложном таланте. Зачем не пишет он поэм в силу правил эпопеи? Та беда, что и поэт не волен в направлении своего восторга; что ему поется, то он поет...

В очерках Рафаэля виден художник, способный к великому: его воля приняться за кисть – и великое изумит наши взоры; не хочет он – и никакие угрозы критика не заставят его писать, что хотят другие.

В музыке есть особый род произведений, называемых *cariccio*[11], – и в поэзии есть они – таковы «Дон-Жуан» и «Беппо» Бейрона, таков и «Онегин» Пушкина. Вы слышите очаровательные звуки: они льются, изменяются, говорят воображению и заставляют удивляться силе и искусству поэта. Соглашаемся, что по отрывку нельзя судить о целом[12]; но кто в произведениях Пушкина не находит поэзии, с тем не будем ничего говорить о поэзии.

Содержание первой главы «Онегина» составляет ряд картин чудной красоты, разно-

образных, всегда прелестных, живых. Герой романа есть только связь описаний.

С самого начала Онегин скачет на почтовых в деревню своего дяди, богача, умирающего, который оставляет племяннику все свое имение. Тут поэт рассказывает, кто такой Онегин, описывает его воспитание, знания, свойства, день прежней петербургской его жизни, обед у Талона, проезд в театр, туалет Онегина, мимоходом бал, грусть, необходимое последствие рассеянной жизни, и свое знакомство с недовольным жизнью Онегиным, который получает письмо о болезни дяди, едет к нему в деревню, не застаёт его в живых и, получив богатство, не перестает скучать. – Поэт кончит шуткою.

Читатели видят, что «Онегин» принадлежит к тому роду стихотворений, в котором доньше у нас не было ничего сколько-нибудь сносного. Шуточные поэмы наших стихотворцев сбивались в плоскости, шутки их оскорбляли благопристойность, улыбка походила на хохот тех героев, которых они описывали, как-то: трактирщиков, карточных игроков или пьяниц (Некто А. Н. не постыдился поста-

вить «Руслана и Людмилу» в ряд с «Елисеем» [13] Майкова и с «Энеидой наизнанку». Неверующие могут прочесть в «Mercure du XIX siecle», 77 livraison, 1824, от стр. 505 – статью «Замечания россиянина, живущего ныне в Париже, на антологию Сен-Мора». Помнится, что эта статья была в «Вестнике Европы» без оговорок г-на редактора: *кто молчит, тот соглашается*, говорит пословица; к счастью, есть другая: *дело мастера боится* – это доказывает «Вестник Европы» [14].); видно, Пушкину суждено быть *первым* и в исполнении поэм и в изобретении предмета своих поэм. Надобно сказать, что вообще новые поэты в сочинениях сего рода открыли новые стороны, неизвестные старинным сочинителям: «Налой» или «Похищенный локон» однообразны, поэт только смешит [15]; но Байрон не смешит только, но идет гораздо далее. Среди самых шуточных описаний он резким стансом обнаруживает сердце человека, веселость его сливается с унылостью, улыбка с насмешкою, и в таком же положении, как Байрон к Попу, Пушкин находится к прежним сочинителям шуточных русских поэм. Он не кривля-

ется, надувая эпическую трубу, не пародирует эпопеи, не сходит в толпу черни: выбрав героя из высшего звания общества, он только рисует с неподражаемым искусством различные положения и отношения его с окружающими предметами – и здесь тайна прелести поэмы Пушкина. Но не смех возбуждает поэт; он освещает перед нами общество и человека: герой его – шалун с умом, ветреник с сердцем, он знаком нам, мы любим его!

И с каким неподражаемым умением рассказывает наш поэт: переходы из забавного в унылое, из веселого в грустное, из сатиры в рассказ сердца очаровывают читателя. Мысли философа, опытного знатока и людей и света, отливаются в ярких истинах: кажется, хочешь спросить, как успел подслушать поэт тайные биения сердца? Где научился высказывать то, что мы чувствовали и не умели объяснить?

Картины Пушкина полны, живы, увлекательны. Не выписывая из «Онегина» (ибо надобно переписать половину книги), мы укажем: на изображение знаний Онегина, изображение санктпетербургского театра, каби-

нета Онегина, приезда на бал, Петербурга утром, похорон дяди. – Насмешки его острые, умные, разительные: не можем не пересказать следующих:

*Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь:
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас не мудрено блеснуть.*

Онегин:

*.....читал Адама Смита
И был глубокий эконо́м,
То есть, умел судить о том,
Как государство богатеет
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог...*

«Главный признак изящного есть простота», – сказал один германский философ – и что же простее, добродушнее этой насмешки над толками модных последователей Смита? Тот же философ говорит, что «народная (nationale) словесность берет у воображения то, что сильнее говорит уму и характеру наро-

да» [16], – и эту народность, эту сообразность описания современных нравов Пушкин выразил мастерским образом. «Онегин» не скопирован с французского или английского; мы видим свое, слышим свои родные поговорки, смотрим на свои причуды, которых все мы не чужды были некогда.

Спешим оправдать Пушкина в укоризнах, которые делают ему некоторые критики. Кроме того, что лишают себя наслаждения, они стараются еще и другим передать мучительные свои ощущения. Они уверяли всех и каждого, что «Руслан» взят из Ариоста, «Кавказский пленник» из «Чайльд-Гарольда», «Бахчисарайский фонтан» из «Гяура» – предчувствуем, что «Онегина» осудят на подражание «Дон-Жуану» и «Беппо» Бейрона и «Дню» Парини[17]. Читавшим Бейрона нечего толковать, как отдаленно сходство «Онегина» с «Дон-Жуаном»; но для людей, не знающих Бейрона или Парини, но которые любят повторять слышанное, скажем, что в «Онегине» есть стихи, которыми одолжены мы, может быть, памяти поэта; но только немногими стихами и ограничивается сходство: характер

героя, его положения и картины – все принадлежит Пушкину и носит явные отпечатки подлинности, не переделки.

Мы не упоминаем о прелести вводных мест (эпизодов) в «Онегине», как-то: обращений поэта к самому себе, воспоминаний и мечтаний его, – из читавших «Онегина», верно, наполовину знают его до сей поры почти наизусть; не читавших же мы не хотим лишать новости в наслаждении выпискою стансов 29, 30, 31, 32, 33, 34, 45, 49, 50, 57, 58 и 59, ибо их должно читать вполне.

Не говорим и о стихах Пушкина: такой гармонии, такого умения управлять механизмом слов и звуков не было и доньше еще нет ни у которого из поэтов русских, даже и у Жуковского.

В доказательство, как все оживляется под пером Пушкина, мы желали бы подробно разобрать приложенный в начале «Онегина» «Разговор книгопродавца с поэтом». Здесь переходы чувств и искусство выражаться, смотря по тому, кто и что говорит, неподражаемы. Содержание: книгопродавец просит поэта продать свою рукопись; поэт отвечает на все

его предложения; задумчивая мечтательность, яркие мысли выражают пламенный характер поэта; познание света, резкие истины опыта обрисовывают характер книгопродавца.

Говорят, что без замечания ошибок не бывает рецензии: вот самое затруднительное обстоятельство для рецензента стихотворений Пушкина – где взять ошибок? Несколько рифм можно назвать принужденными, немного выражений неточными (например: *вздыхает лира, возбуждать улыбку, иволги напев живой*); но оставим эту убогую добычу грядущим критикам: не думайте, что избранный из них будет молчать, что он не явится. —

Il s'en presentera, n'en doutez-vous pas...[18][19]

В то время как мы благодарим поэта за новый подарок, шум всеобщих похвал, вид запыленной кипы родимых творений, когда сочинений Пушкина не наготовятся книгопродавцы на нетерпеливых читателей, – все это возбуждает *литературных гагар*... Не повто-

ритель ли им в задаток слова поэта:

Гагары в прозе и стихах!

Возитесь как хотите;

*Но, право, истинный талант не
помрачите;*

Удел его: сиять в веках![20]

Примечания

Московский телеграф. 1825. Ч. 2. N 5 (выход в свет 16 марта). С. 43—51. Без подписи; авторство раскрывается в ходе дальнейшей полемики.

Статья вызвала продолжительную полемику, в которой против Н. А. Полевого выступали Д. В. Веневитинов и Н. М. Рожалин (см. коммент. к след. статьям; также: *Стратен В. Пушкин и Веневитинов. I. Веневитинов — критик Пушкина // П. и совр. Вып. 38—39. С. 228—240*).

Ранее в «Прибавлении» к N 3 «Московского телеграфа» в разделе «Книжные известия» (с. 52) было помещено сообщение о скором выходе в свет I главы «Евгения Онегина» и продаже ее в книжном магазине И. В. Сленина в Петербурге.

[^^^]

Статья заострена против критики, опирающейся на каноны классической поэтики. Хотя здесь полемические выпады Полевого не имеют конкретного адресата, их можно отнести ко многим критикам Пушкина, в суждениях которых сказывался нормативный подход к его поэзии (см., например, статьи А. Ф. Воейкова или В. Н. Олина в наст. изд.). В N 3 «Вестника Европы» за 1825 г. Юст Веридиков (М. А. Дмитриев) утверждал, что в «Кавказском пленнике» Пушкина нет ничего, что могло бы составить содержание поэмы (см. с. 257 наст. изд.).

[^^^]

Намек на библиографическую заметку в «Северной пчеле» (1825. N 23, 21 февр. – см. с. 257 наст. изд.). Сообщив, что вышедшая книга – «только первая глава предполагаемого автором романа», рецензент «Пчелы» отказался судить по ней о «целом».

[^^^]

4

Трудно хорошо выразить общеизвестные вещи (лат.). – Ред.

[^^^]

Стих Горация («Наука поэзии», ст. 128), который Байрон поместил на титульном листе издания песней I—II (1819) и III—IV (1821) своей поэмы «Дон-Жуан».

[^^^]

6

«Беппо» (1818) – поэма Байрона.

[^^^]

Перечисляются требования к жанру поэмы в нормативных поэтиках. См., например; «Словарь древней и новой поэзии, составленный Николаем Остолоповым» (СПб., 1821. Ч. I. С. 235—244 и со с. 454) или «Краткое начертание теории изящной словесности» А. Ф. Мерзлякова (М., 1822. Ч. I. С. 201—203).

[^^^]

См.: Гл. I, строфы LIX—LX «Евгения Онегина»

.....
*Погасший пепел уж не вспыхнет,
 Я все грущу: но слез уж нет,
 И скоро, скоро бури след
 В душе моей совсем утихнет:
 Тогда-то я начну писать
 Поэму песен в двадцать пять.*

LX

*Я думал уж о форме плана,
 И как героя назову;*

[^^^]

Имеются в виду эпизоды из «Энеиды» Вергилия (кн. 9, ст. 77—122 и кн. 10, ст. 219—235) и «Илиады» Гомера (песнь 22, ст. 136 и далее). Аполлоний Родосский (ок. 295—215 до н. э.) – александрийский грамматик и поэт, автор эпической поэмы «Аргонавтика». В словах Полевого заключена ирония, относящаяся к традиционным разборам эпических поэм в нормативных поэтиках. Например, упомянутый эпизод из «Энеиды» критикует Баттё как преувеличение, не отвечающее критерию истинности, верности действительности (*Batteux Ch. Les beaux arts reduits a un meme principe. Pans, 1747. P. 203—204*).

[^^^]

Начало цитаты из Горация:

*Vos, exemplaria Graeca
Nocturna versate manu, versate
diurna.*

*Образцы нам – творения греков.
Ночью и днем листайте вы их
неустанной рукою.*

*(Наука поэзии, ст. 268—269; пер.
М. Л. Гаспарова).*

[^^^]

Каприччио (*ut.*) – музыкальная пьеса, в написании которой автор руководствуется прежде всего своей фантазией. Не имеет определенной формы, содержит неожиданные ритмические и гармонические обороты.

[^^^]

См. примеч. 2 к наст. статье.

[^^^]

«Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) – ирои-комическая поэма В. И. Майкова; «Вергилиева Энеида, вывороченная наизнанку» – бурлескная поэма Н. П. Осипова (ч. 1-4, 1791—1796; продолжена А. Котельницким, ч. 5-6, 1802—1808). В части тиража «Московского телеграфа» примечание напечатано не полностью, до слов; «Помнится, что эта статья...».

[^^^]

Упомянутая статья подписана «L. N.» и принадлежит Н. И. Бахтину. В статье дан краткий очерк русской литературы от Кантемира до современности. Говоря о Пушкине, Бахтин отдает должное красоте и изяществу стихов «Руслана и Людмилы» и считает, что эта поэма превосходит все, написанное до того в России в шутовском роде, кроме «Душеньки» Богдановича. Бахтин советует Пушкину в дальнейшем отдалиться его «врожденной веселости», так как «мрачные картины, которые он пытается писать, редко ему удаются». Суждения Бахтина отражали литературные взгляды П. А. Катенина, другом, издателем и пропагандистом творчества которого был Бахтин. См. подробнее: Письма П. А. Катенина Н. И. Бахтину: (Материалы для истории русской литературы 20-х и 30-х годов XIX века) / Вступ. ст. и примеч. А. А. Чебышева. СПб., 1911. С. 15—16, 72—73. Перевод статьи Бахтина помещен в «Вестнике Европы» (1824. Ч. 138. N 22. С. 102—113). Часть статьи, посвященная современной литературе, опущена со следующим

примечанием редактора: «В окончании, как читатель мог уже заметить, говорится о самой щекотливой и раздражительной половине словесности нашей, еще в живых находящейся. Предлагать о ней свои мнения небезопасно...» Поводом к написанию статьи послужило издание во Франции Э. Дюпре де Сен-Мором (1772—1854) «Русской антологии» (*Anthologie russe, suivie de poesies originales...* par)

[^^^]

«Налой» (1674) – ирои-комическая поэма Буало; «Похищенный локон» («Похищение локона» («Rape of the Lock»), 1712—1714) – ирои-комическая поэма английского поэта Александра Попа (1688—1744).

[^^^]

Близкие по смыслу высказывания имеются в философско-эстетических эссе Ф. Ансильона: «Essai sur le naif et le simple» (Melanges de litterature et de philosophie. Par F. Ancillon. Paris, 1809. T. 1.

Это место статьи Полевого впоследствии стало одним из поводов к нападкам на издателя «Телеграфа». В одном из своих полемических «Разговоров с приятелем», посвященных полемике с Полевым, М. М. Карниолин-Пинский писал: «Разбирая „Онегина“, захотел он похвалить Пушкина с помощью авторитета и для того выразился так: „главный признак изящного есть простота, – сказал один германский философ, и что же простее, добродушнее этой насмешки над толками модных последователей Смита.“ – Этот германский философ есть Ансильон. Он главным признаком изящества почитает простоту, то есть несложность (simplisite) идеи в целом творении, и весьма отличает ее от простосердечия, добродушия, или простодушия (naivete), состоящего в том, что лицо, связанное приличи-

ями, иногда высказывает словами, телодвижениями или действиями более, нежели сколько желает. Простота есть основной признак изящества, простосердечие – случайный. Г. Полевой смешал сии разнородные понятия и, приняв одно вместо другого, хотел заставить бедного Ансильона говорить, чего он здоровый и подумать не захочет. Как можно шутку рассматривать за что-то целое, чтобы определить красоту ее по стихийному признаку изящного? Какая сложность может быть в шутке? Какое добродушие нашел издатель „Московского телеграфа“ в насмешке над модными последователями Смита? Насмешка эта забавна, остроумна, обдуманна, приготовлена предыдущими стихами, и потому непростодушна. Человек, ссылающийся на автора, которого не вразумел, не имеющий основательного понятия о прекрасном и не отличающий целого от частей, пусть гневается на меня сколько хочет, а уподобление свое оставляю при его творениях» (Сын Отечества. 1825. Ч. 104 N 21. Прибавление N 2. С. 123—124; подпись: М. Крнлн Пнский).

[^^^]

О подражании в «Руслане и Людмиле» «Неистовому Роланду» Ариосто см., например, в статьях Воейкова, Олина, в разборе из «Невского зрителя» в наст. изд. С «Паломничеством Чайльд Гарольда» (1812—1818) и «Гяуром» (1813) Байрона поэмы Пушкина сопоставлялись неоднократно, например в статьях Плетнева и Вяземского о «Кавказском пленнике», Карниолина-Пинского о «Бахчисарайском фонтане» и др., но о подражании Байрону говорит определенно, пожалуй, лишь Карниолин-Пинский. *Дж. Парини* в поэме «*День*» (выходила частями с 1763 г.) иронично описал времяпровождение миланского дворянина, образ жизни определенных слоев итальянской знати.

[^^^]

Предстанет, не сомневайтесь в этом (*фр.*). –
Ред.

[^^^]

Вероятно, неточно цитируется стих из трагедии Вольтера «Танкред» (1760), д. III, явл. 4. У Вольтера: «Il s'en presentera: gardez-vous d'en douter» (Предстанет, страшитесь в этом усомниться. – *Ред.*)

[^^^]

Цитата из басни И. И. Дмитриева «Лебедь и гагары» (1805).

[^^^]